

Свиридов Алексей Юрьевич

ФГАОУ ВО "СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"

**Распад СССР как исторический феномен, повлиявший на изменение
общественного сознания граждан РФ**

Аннотация

В период после распада СССР изучению этого события было посвящено много научных работ. Существует большой массив литературы, включающий статьи, монографии, мемуары и периодические издания. Необходимо понять и систематизировать этот материал. При этом важную роль играет анализ методологических позиций авторов. Решение этих задач было достигнуто путем изучения монографий и статей, опубликованных отечественными учеными после распада СССР. Исследования построены в соответствии с методологическим подходом, проанализированным по проблемному принципу. При этом применялись описательный, типологический, аналитический и сравнительный методы.

Ключевые слова: распад СССР; историография, русский народ, антисоветская пропаганда, идеология.

Keywords: the collapse of the USSR, historiography, the Russian people, anti-Soviet propaganda, ideology.

В политических процессах все явления взаимосвязаны и в большей или меньшей степени влияют друг на друга. Например, социальная сфера находится под непосредственным влиянием и взаимодействует с экономической, культурной и политической сферами. Отдельные явления в обществе также напрямую зависят от политических процессов. Например, социальные тенденции могут меняться в ту или иную сторону в зависимости от политического и экономического контекста.

Международные процессы также оказывают значительное влияние на социальные тенденции. Распад Советского Союза положил начало глобальной трансформации системы международных отношений. Крах биполярной модели вызвал появление новой модели, основанной на совершенно новых принципах. Эти принципы заключаются в следующем:

- глобализация позволила миру быстро реагировать на общие нужды и потребности;
- распространение факторов «мягкой силы» в связи с увеличением количества ядерного оружия в мире и угрозой ядерной войны
- изменение функций государств на международной арене и утрата ими статуса основных субъектов международных отношений;
- однопартийная диктатура в бывшем Советском Союзе и глобальная централизация;
- однопартийное правление в бывшем Советском Союзе.

Ученые признают, что демократизация проявилась в виде отказа от принципа экономического планирования.

Первым социальным явлением, на которое повлиял распад Советского Союза, стала глобализация. Помимо экономической глобализации, которая проявилась на ранней стадии, глобализация политической и социальной сфер также стала более выраженной. Распад Советского Союза фактически завершил эпоху холодной войны и ознаменовал начало формирования единого мирового сообщества. Таким образом, начал формироваться единый организм с определенными общими принципами развития[1]. Важно отметить, что на данном этапе возрастает роль межгосударственных организаций и институтов, определяющих политику целых блоков стран -примером тому могут служить такие международные организации, как ЕС и БРИКС. Кроме того, общества становятся менее односторонними. Это означает, что члены общества теперь узнают себя не только в отдельных государствах, но и в мировом сообществе. Создание свободных зон и открытых границ также определяет эту тенденцию. В некоторых случаях в результате граждане той или иной страны признают себя членами международного сообщества, а не гражданами конкретного государства.

Еще одной социальной тенденцией после распада Советского Союза является значительная национализация постсоветской культуры. Это выражается в радикальной переориентации с позиционирования социалистической культуры на национальную культуру отдельных государств. Наиболее ярко это явление выражено в украинской Прибалтике, где наблюдаются воинствующие антироссийские настроения и активные националистические объединения. Демократизирующая тенденция в сознании постсоветских граждан неизбежна. После распада Советского Союза общество в новообразованных государствах активно прививает и перенимает глобальные ценности и принципы демократии. Эта тенденция проявляется не только в демократизации всей системы управления, но и в создании государственных органов, призванных регулировать процессы, происходящие в обществе. В Российской Федерации в 2005 году была создана «общественная палата» для диалога между гражданами и властью, призванная реагировать на нужды и проблемы граждан [2].

Рост критического отношения к политическим лидерам в 1970-х и 1980-х годах было обусловлено в основном социально-демографическими изменениями в стране. Уровень образования граждан повысился, и в 1979 году на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше приходилось 638 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, что было почти вдвое больше, чем в 1959 году [13, с. 23]. Две трети советского населения проживало в городах, и почти треть трудоспособного населения была занята в основном умственным трудом. В то же время 57% населения

страны в 1987 году было моложе 35 лет [10, с. 311]. Это было «сытое» и бесстрашное поколение, которое не только не испытывало различных тягот сознательной жизни, но даже не верило в возможность существования таких тягот. Объективные черты советского общества 1970-х годов скрывали главную опасность: стремительно слабеющие основы советской системы.

Сочетание молодости и образования создало внушительную прослойку критически мыслящего и политически активного общества, в то время как пожилые руководители, непривлекательные из-за отсутствия образования, превратились из объектов насмешек в более опасные для развития страны. Критика высшего руководства постепенно распространилась на весь управленческий класс. Впитав западные ценности через образование, молодые люди стали отвергать культуру старшего поколения. Субкультура со своими молодежными моделями поведения и ценностями постепенно стала навязывать их всему обществу. С началом перестройки неформальные группы (хиппи, панки, рокеры ит.д.) постепенно стали навязывать их всему обществу. Давно существующий полуправильный «Память» официально признан и получил доступ к СМИ. Возникают молодежные организации с сильным политическим привкусом («Память» и т.д.). Движение «Красные бригады» с его сильным культом агрессии и набирает силу как реакция: сложные социальные и политические процессы 1985-1990 годов (распад советской политической системы, политический плюрализм, постепенный переход к рынку) изменили социальное и культурное измерение молодежи. Отказ от идеологических ценностей старшего поколения и сомнения в правильности концепции социализма, неподтвержденные практикой, усилили крушение ценностей [8].

Важнейшим проявлением кризиса идентичности в СССР стал раскол в мировоззрении общества, который затронул даже советское руководство. Уже Андропов признал, что восприятие общества правительством мне адекватно отражает реальность. Для Горбачева и других осознание того, что советская система была «неправильной», стало убеждением, официальной позицией и, как вскоре станет ясно, основой для перестройки, которая изначально была направлена на радикальное преобразование общественного строя. Уже через несколько лет среди активных ниспровергателей этой идеи можно было увидеть самых выдающихся «генералов» советской идеологии: политических обозревателей А. Бовина, В. Цветова, О. Лациса и других.

Для укрепления советского общества и сохранения политической системы требовалось новое мировоззрение. Казалось бы, идеологические органы государства должны были учитывать меняющуюся ситуацию в стране и более молодую, более мудрую

общественность. Всем уже было ясно, что времена, когда ссылка на «что написали в газетах» была самым весомым аргументом, безвозвратно прошли. Этого не понимали ни старое, ни новое поколение номенклатуры. Действия все чаще заменялись бессмысленными словами. Например, «экономика должна быть экономной» -особенно популярный в то время призыв. Идеологические структуры и их штаты росли, идеологический кризис становился все более острым.

Знакомясь с некоторыми аспектами советской жизни конца 1970-х годов, можно сказать, что власти и их идеологические институты уже не пытались убедить людей в правильности коммунистической идеологии. Идея заключалась в том, чтобы вбить в головы советских граждан формулу, что именно так они должны думать и говорить: вспомнили противостояние с одним из авторитетных членов Приморского обкома КПСС на лекции. Говоря по радиоополитике, он много раз упоминал Брежнева и всегда скрупулезно перечислял свои официальные позиции. Это иногда приводило к длительным эфирам. Категорически запрещалось вносить редакционные изменения в материалы лекторов КЛИ, и все попытки убедить его не составлять такой список были безуспешны. Только лекторы из ЦК КПСС, видевшие передачи у идеолога автора, поставили точку в этой формулировке.

СССР изначально создавался как идеологическая конструкция, всегда следовавшая выбранной идеологии, активно распространявшая ее по всему миру, неспособная не только отказаться от этой идеологии, но даже доработать ее. Тем временем общество внимательно слушало такие передачи, как «Голос Америки» и «Свобода». Советская идеологическая пропаганда все чаще воспринималась скептически даже теми слоями общества, которые раньше не сомневались: деидеологизация советского общества, активно проводившаяся на протяжении 1970-х годов, в итоге привела к разоружению советских людей, антисоветизму перестроечных пропагандистов чувствительных к пропаганде и подготовила население к относительно легкому принятию новых идеологических постулатов.

Процесс целенаправленного уничтожения советского народа и советской идентичности в период перестройки описан в монографии С.Г. Кара-Мурзы [5; 6]. Автор пишет, что «массированная кампания», известная как «перестройка», была направлена на «разрушение ментально-психологического каркаса советского народа». Демонтаж народа осуществлялся сознательно, преднамеренно, с использованием мощных и даже преступных методов. В результате экономической и информационно-психологической войн была демонтирована «центральная матрица» мировоззрения, народ потерял всю систему ценностных координат. В результате многие люди утратил и целостную картину мира и способность логически мыслить, чтобы выявлять причинно-следственные связи. Советская

система государственной и социальной защиты не нашла адекватного ответа на новые исторические вызовы: к 1991 году советский народ практически «рассыпался», оставшись группой людей, не обладающих «ни сверх индивидуальным сознанием, ни коллективной волей».[5, с. 240].

Политика гласности, ставшая идеологической кампанией перестройки, оказалась мощным инструментом разрушения советской идентичности. С ослаблением цензуры и возможностью высказывать возражения многие сюжеты советской истории, которые ранее либо вообще не освещались, либо трактовались в пользу властей, стали вызывать общественный интерес. Многие из них стали предметом общественных дебатов. Это оказалось весьма привлекательным занятием. Пожалуй, впервые в советской действительности люди могли открыто обсуждать такие деликатные темы, как недостатки социализма. То, о чем раньше говорили на кухнях, теперь обсуждалось на партийных собраниях. Из репродукторов звучали песни о свежем ветре, которого так ждали. Тиражи газет поднялись до космических высот. Журналы публиковали ранее запрещенные произведения («Котрован», «Дети Арбата», «Собачье сердце»), выходили фильмы, хранившиеся десятилетиями, из архивов доставались и выставлялись работы художников-авангардистов. Комики и карикатуристы, внезапно ставшие политиками, грелись в лучах света.

Среди них был генеральный секретарь Горбачев, который считался всеобщим любимцем и символом грядущих перемен. «Его предшественники были похожи на мумии, ожившие под влиянием жизненных потребностей государства, а он был почти юношей, говорил бы строи без бумажек, улыбался и везде брал с собой жену. Опытные люди, слушавшие веселый рупор нового лидера, качали головами и не понимали, о чем он говорит и куда идет»[11].

Направление движения вскоре стало проясняться. Так называемая белая пресса истории отступила на задний план, и в центре политики гласности оказались антисоветские, антинациональные мотивы. Первым этапом стало ослабление государственности СССР под лозунгом «больше социализма». На практике это свелось к идеологической кампании против государства как формы организации общества. Ее целью было посеять сомнения в правильности существующего строя, а лояльность граждан к государству трактовалась как приверженность консерватизму.

Широко распространялось низменное советское название «Совок» и активно пропагандировалось критическое отношение к понятию «советский народ». Социологи, которые еще вчера превозносили новую историческую общность, вдруг убедились, что

советские люди не были гражданами, что понятия «советский народ» не существует. Отрицалось право на политическое государство, утверждалось, что СССР – это всего лишь совокупность этнических групп, насильно удерживаемых вместе в советской империи, сознательно разрушалась система межнациональных отношений между СССР и Российской Федерацией.

В частности, были предприняты атаки на ядро советского гражданского государства – русский народ. Одним из главных оружий в этой кампании была идея исторической вины русского народа. Список грехов русских был чрезвычайно обширен: империя, жизнь и верность Советскому Союзу, борьба с врагом, подавление сталинизма, принятие христианства из Византии и т.д. Русский народ осуждался даже зато, что дважды осмелился противопоставить агрессии Запада патриотическую войну. Оценивая последствия уничтожения исторической памяти русского народа в период перестройки, И.К.Лавровский очень точно выразился: «В результате не осталось ни одного живого места в истории страны». История России превратилась «в сплошную зону экологического загрязнения, куда каждый сливает свой токсичный ил»[7,131].

Ненависть к русским советского народа породила процесс построения новой общности – новых русских. Народная интерпретация этого понятия была, как всегда, очень точной и сложилась уже в 1990-е годы. А в период перестройки оно было использовано как реальная альтернатива советскому народу. Именно «новые русские» были объявлены государством. В.Кушнир, главный редактор газеты «Утро России» (орган Демократического союза Новодворской партии), писал в феврале 1991года: «Объявлена война «советскому народу». Будут сражаться две нации: новые русские и старые русские. Те, кто может приспособиться к новым временам, и те, кто не может. Хотя они говорят на одном языке, на самом деле это две нации»[5,236].

В период перестройки мощным средством разрушения советской идентичности стала война против символов, которые были опорой национальной идентичности советского народа. Священные объекты (Красная площадь, престижное кладбище страны) подвергались осмеянию. Интенсивные кампании искажали смысл праздников, вошедших в советский национальный календарь (День международной солидарности трудящихся 1 мая стал Днем весны и труда). Одной из излюбленных тем для дискредитации была Великая Отечественная война. Солдаты Красной Армии обвинялись в жестокости по отношению к немцам. При сравнении советских и немецких летчиков предпочтение безоговорочно отдавалось мастерству нацистских асов. Достижения Александра Матросова и 28 гвардейцев-панфиловцев были поставлены под сомнение. Военные потери Красной Армии

были преувеличены. Количество убитых было совершенно абсурдным. Созданная в связи с этим специальная комиссия к тому времени закончила свою работу, и точные данные о военных потерях были доложены в ЦК КПСС. Власти должны были немедленно остановить волну фальсификаций. Однако ничего этого сделано не было. Более того, советские школы были втянуты в кампанию по уничтожению образа войны.

Природные и техногенные катастрофы, обрушившиеся на СССР в этот период – Чернобыльская атомная катастрофа, землетрясение в Армении, затопление круизного лайнера «Адмирал Нахимов», железнодорожная катастрофа в Челябинской области – серьезно травмировали общественное сознание. Нынешний режим должен был ощущаться как полный провал, неспособный защитить страну от всех невзгод.

Массированная антисоветская пропаганда не могла не дать результатов. Моя бабушка, оберегая внуков от родительского перевоспитания, говорила: «Скажи сто раз «свинья», и люди заревут». Гласность безморальных тормозов заставила миллионы людей «рычать». К концу перестройки многие газетные статьи уже вызвали культурный шок: в 1991 году социолог – иммигрант В.Е. Шлепенко оценил эффективность антисоветской кампании в рамках гласности: «Гласность не имеет прецедента в мировой истории. Нет примера, чтобы общество радикально изменило представление о себе(за столь короткое время)»[5, с. 285].

В условиях «переосмысления» прошлого было подорвано главное-смысл жизни и самоуважение советских людей. Советская идентичность, и без того ослабленная застойными явлениями 1970-х годов, не выдержала испытания временем при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями. Ментальный диссонанс, порожденный перестройкой, будет мучить граждан еще долгие годы: в начале 1990-х годов от 77% до 92% респондентов разных возрастных групп относили себя к «людям без будущего»[1, с. 35].

Содержанием кризиса идентичности, ставшего могильщиком Советского Союза, как мы увидим, было вырождение целостной идеологии, вера элиты, ослабление социализации, потеря веры в историческую миссию государства, разочарование в ранее непререкаемых идеалах, падение доверия к существующей власти, изменение условий жизни граждан, противоречия в государственной политике и т.д. Диапазон чрезвычайно широк. Падение доверия к коммунистической системе привело к разрушению идеалов, которые были основой государства, и многие граждане, независимо от социального статуса, национальности или вероисповедания, стали искать новый ориентир для своего

мировоззрения[4]. В этих условиях сохранение СССР как идеологической конструкции, как государства, основанного на коммунистических ценностях, было уже невозможно.

В связи с вышесказанным можно сказать, что распад Советского Союза не только подвел черту под биполярной моделью международных отношений, но и определил формирование новых социальных тенденций на территории бывшего СССР и в мировой системе в целом. К этим тенденциям относятся политическая и социальная глобализация, резкая национализация культуры в бывшем СССР и демократизация постсоветских стран.

Литература

1. Барсуков Н. А. Обратная сторона «оттепели» (Историко-документальный очерк) // Кентавр. — 1993. — № 4. — С. 129–143.
2. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». — М.: «Олма-Пресс», 2002. — 511 с.
3. Таранов Е. «Раскачаем ленинские горы!» Из истории «вольномудства» в Московском университете (1955–1956) // Свободная мысль. — 1993. — № 10. — С. 94–103.
4. Из письма учительницы М. Николаевой Н. С. Хрущеву о принципах социальной справедливости // Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.) / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. — М.: «Владос», 1996. — 600 с.
5. Пыжиков А. В. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. — 2003. — № 6. — С. 103–110.
- Бокова, Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х — первой половине 60-х гг. XX века / Я. М. Бокова. — Текст : непосредственный // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 41-45. — URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/7977/> (дата обращения: 23.03.2023).
6. Василевский А., Прибыловский В. Кто есть кто в российской политике (300 биографий). М., 1993. 678 с. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. 480 с.
12. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Собр. Соч. Т. V. М., 1991. 564 с. Ципко А. Никто не хотел побеждать // Московские новости. № 8. 1991. С 3. Малютин М. Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано. М., 1988. 445 с.
7. Согрин В. Политическая история современной России, 1985–1994: От Горбачева до Ельцина.- М., 1994. 272 с.
8. Гайдар Е. Т. Гибель империи. — М., 2006. — 448 с.

9. Чавкин, Д. О. Нарастание социальной напряжённости в СССР в конце XX века / Д. О. Чавкин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 15 (149). — С. 508-511. — URL: <https://moluch.ru/archive/149/42249/> (дата обращения: 23.03.2023).